Текст · 16 декабря 2020, 08:14
Виталий Васильченко,

Граница на курке. Как Германия судила за убийства при попытке бежать через Берлинскую стену

Возведение Берлинской стены и стрельба по пытавшимся бежать из ГДР — одна из ключевых страниц в истории разделенной Германии. И сразу после объединения страна столкнулась с вопросом о том, кто должен нести ответственность за убийства на границе Восточной и Западной Германии. В новом тексте совместного проекта с *Deutsche Welle* корреспондент «Медиазоны» Виталий Васильченко рассказывает, как Германия больше десяти лет на сотнях процессов судила пограничников — и чем это закончилось.

Путь к гибели через «Уют-3»

Поздним вечером 5 февраля 1989 года Карин Геффрой, жившая в Восточном Берлине вместе со своим 21-летним сыном Крисом, слышит несколько выстрелов. Она вздрагивает, но не отрывается от книги — квартира находилась в паре километров от Берлинской стены, и такие звуки женщине были привычны. Через несколько месяцев название книги напрочь изгладится из ее памяти.

За два часа до этого ее сын Крис Геффрой вместо со своим другом Кристианом Гаудианом дворами садового товарищества «Уют-3» в округе Трептов пробирался к Берлинской стене. Оба работали официантами в небольшом баре и решили бежать

на Запад, услышав разговоры о том, что приказ стрелять на поражение по беглецам отменен на фоне перестройки в странах соцлагеря.

Около полуночи друзья незамеченными перебираются через первое препятствие — трехметровую стену с колючей проволокой. Чтобы попасть в Западный Берлин, им предстоит преодолеть освещенную фонарями контрольную полосу, просматривающуюся из пограничных вышек, а затем еще один высокий бетонный барьер.
По неосторожности они задевают малозаметное сигнальное ограждение из колючей проволоки — срабатывает сирена, вспыхивают прожекторы.

Окрики пограничного патруля друзья слышат, перебираясь через ров, после которого от западноберлинского района Нойкельн их отделяет только последняя стена. Гаудиан и Геффрой собирались преодолеть ее с помощью небольшого якоря и привязанной к нему веревки, но план не сработал. Звучат выстрелы. Друзья пытаются все же перелезть стену — Гаудиан уже держится за ее верхнюю кромку, когда одна из пуль попадает подсадившему его Геффрою в сердце. Оба друга падают, один ранен, другой — мертв.

Сын часто оставался ночевать у друзей, и Карин Геффрой не придала значения его отсутствию. Крис Геффрой не делал секрета из своего желания перебраться на Запад: совсем недавно нескольким его близким друзьям удалось получить разрешение на выезд в ФРГ. Несмотря на сложную бюрократическую процедуру для получения разрешения на переселение и тщательную проверку спецслужбами, за время

существования ГДР страну, по разным оценкам[1], легально покинули от 380 до 480 тысяч граждан (в это число включены и выкупленные Западной Германией политические заключенные, около 30 тысяч человек).

> Законы ГДР не предусматривали возможность эмиграции, а лишь «временное пребывание за пределами Республики». Тем не менее, подписав Всеобщую декларацию о правах человека и Хельсинские соглашения, ГДР взяла на себя обязанность разрешать «окончательный выезд» за пределы республики. Подобное прошение воспринималось властями как недопустимое для граждан отрицание принципов и идеалов социализма, поэтому выезд был возможен только при одновременном выходе из гражданства ГДР. Более того, начиная с 1970-х годов пенсионеры Восточной Германии получили право выезда на Запад сроком до четырех недель. В отличие от граждан трудоспособного возраста, их потенциальный побег не считался особой угрозой политическому строю, а скорее снятием нагрузки с пенсионной системы. ФРГ же, в свою очередь, гарантировала пенсионерам-беглецам выплату пенсии пре переходе в новое гражданство.

Через день, 7 февраля, к Карин пришли встревоженные друзья ее сына: они знали, что Крис собирался перелезть через стену. В тот же день встревоженную мать вызвали в полицию, где только после двухчасового допроса сообщили, что сын совершил «покушение на подразделение

пограничного контроля» и несколько часов назад скончался в больнице.

Крис Геффрой стал последней жертвой Берлинской стены — она падет спустя девять месяцев после его гибели, в мае 1989-го. В январе 1990 года — за девять месяцев до объединения Германии — Карин Геффрой обращается в прокуратуру Восточного Берлина с требованием привлечь убийц ее сына к уголовной ответственности.

Десять лет спустя будет осуждена почти вся цепочка людей, ответственных за это убийство: от стрелявшего пограничника и командира роты до «кабинетных преступников» в министерстве обороны, Национальном совете обороны и политбюро ГДР. И не только в деле Геффроя: после объединения Германии суды провели 112 процессов по делам о гибели 270 человек на границе с ФРГ. Почти все они окончились условными сроками. Как подытожила годы судебных разбирательств правозащитница и активистка движения за гражданские права в ГДР Бэрбел Болей: «Мы хотели справедливости, а получили правовое государство».

Последний суд над офицерами Стены

9 ноября 2004 года Германия отпраздновала пятнадцатую годовщину падения Берлинской стены: экс-канцлер Гельмут Коль выступил в Берлине с торжественной речью, отметив смелость движения за гражданские права в ГДР и его приверженность идеалам ненасильственного сопротивления. Ему вторил еще один бывший канцлер Герхард

Шредер, назвавший эту дату «днем радости для воссоединенного немецкого народа».

В тот же день Берлинский окружной суд тихо поставил точку в длинной череде процессов над охранявшими Стену стрелками — в Германии эти суды известны как *Mauerschützenprozesse*.

На этот раз обвинительный приговор вынесли четверым офицерам инженерных войск ГДР, ответственным за установку и обслуживание противопехотных осколочных мин типа *SM-70* на границе с Западной Германией. Суд признал пожилых уже подсудимых виновными в содействии в умышленном убийстве и нанесении тяжких увечий: пытаясь бежать из ГДР, четверо студентов подорвались на такой мине — лишь один из них выжил и, несмотря на ранения, смог все же попасть на Запад.

Судья Габриеле Штробель не стала отправлять офицеров в тюрьму, ограничившись условными сроками. Мотивируя свое решение, она сослалась на возраст подсудимых, состояние их здоровья и «обстоятельства объединения Германии», пояснив, что такой приговор — уже достаточное наказание для бывших офицеров, которым «последние восемь лет пришлось жить с предъявленным обвинением».

После оглашения приговора главный прокурор Берлина Бернхардт Янтц с негодованием обратился к немногочисленным журналистам: «Чего же тогда стоит жизнь человека, если [убийство] больше не подвергается наказанию?».

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

«Простые немцы, которые хотели лучшей жизни»

Сразу после падения Стены граждане Восточной Германии потребовали расследования печально известных расстрелов на границе, под их давлением власти были вынуждены возбудить уголовные дела. Вскоре первый демократический парламент ГДР принял решение передать ФРГ расследование преступлений социалистического режима — в том числе и связанных с распространявшимся на всю территорию разделенной страны пограничным режимом.

В октябре 1990 года пятеро западноберлинских прокуроров получили от своих коллег из Восточного Берлина десятки ящиков с документами. Дело Криса Геффроя, в частности, попало к ним уже практически законченным — с установленными именами всех офицеров пограничной службы, участвовавших «в предотвращении диверсии».

Расследованием убийств на границе руководил прокурор Кристоф Шэфген. Как пишет Роман Графе, один из немногих немецких журналистов, пристально следивших за судами над пограничниками, у следователей с самого начала была четкая установка: убийство всегда будет убийством, независимо от его мотивов, а

политическое противостояние западной и восточной систем не может быть оправданием или смягчающим обстоятельством для преступлений.

Еще одной основой для расследования стали материалы Центрального регистра министерства юстиции[2] ФРГ в Зальцгиттере: с 1961 года там собирается вся доступная информация о репрессиях ГДР против своих граждан, в том числе и об «актах насилия в приграничной зоне». За сорок лет существования Восточной Германии в нем зафиксировали около 40 000 преступлений.

О существовании этого регистра было известно всем служившим на границе восточногерманским солдатам и офицерам, пишет историк Йохен Мауэр-[3]. С вопросом о персональной ответственности пограничников за расстрелы на Берлинской стене правосудие Западной Германии впервые столкнулось еще в 1963 году. Тогда окружной суд Штутгарта приговорил к году и трем месяцам тюрьмы пограничника-перебежчика Фрица Ханке, за год до этого выстрелившего в 19-летнего рабочего Петера Райша.

Из протоколов суда следует, что офицер не скрывал: ему, как и большинству его коллег, было очевидно, что такие беглецы — не агенты разведки, а «самые простые немцы, которые всего-навсего хотели для себя лучшей жизни». По словам Ханке, приказ стрелять в них офицеры внутренне отвергали из-за его неоправданной жестокости, но открыто протестовать не могли.

«Лишь немногие фанатики уверены, что беглецов нужно уничтожать. Я все же думаю, что большинство считает приказ стрелять на поражение преступлением», — говорил он в суде.

Суд встал перед непростым вопросом: строго говоря, в соответствии с международными стандартами, совершенное в другой стране преступление должно преследоваться по ее законам, а в Уголовном кодексе ГДР закреплена статья о «бегстве из Республики»[4].

. Но судья заключил, что эта статья противоречит принципам уголовного права и Конституции ГДР, в которой закреплено право на свободу передвижения, а фактический запрет на выезд из страны нарушает статью 13 Всеобщей декларации прав человека ООН.

«У обвиняемого был приказ открыть огонь, в котором, однако, не сказано дословно о необходимости стрелять на поражение — это лишь его интерпретация. Он мог выполнить приказ, не целясь в голову», — отметил окружной суд Штутгарта в своем решении.

Этот приговор имел большое символическое значение: западногерманский суд постановил, что ни условия авторитарного режима, ни военная дисциплина не отменяют уголовной ответственности за убийство беззащитных людей.

Стена как постоянный политический кризис

Постройка Берлинской стены была реакцией политической элиты ГДР на дефицит суверенитета,

считает Герхард Зельтер, член независимой комиссии по изучению истории восточногерманских спецслужб. К 1960-м годам режиму так и не удалось добиться принятия населением нового политического порядка — до возведения Стены на Запад бежала шестая часть граждан Восточной Германии. Так что открытые границы воспринимались властью как препятствие для контроля над гражданами.

После закрытия границ и возведения Стены государственной пропаганде удается добиться короткого периода эйфории, но эмиграционные настроения скоро возвращаются. Так что борьба с влиянием Запада и желанием граждан бежать из республики так и остаются ключевой задачей режима. ГДР ежегодно вкладывает деньги в совершенствование пограничного контроля, и со временем приказ стрелять по беглецам трактуется военными исключительно как огонь на поражение.

Политическая элита ГДР воспринимала бегство из страны как измену родине и отрицание самого социалистического строя, считает Мария Нооке[5].

. Пропаганда приложила немало усилий, чтобы закрепить в массовом сознании образ беженцев как асоциальных элементов, не желающих работать на общее процветание. Официальная линия гласит: нарушители пограничного режима — это агенты Запада, шпионы и предатели родины. К концу 1970-х пропаганда оправдывает расстрелы и закладку противопехотных мин на границе тем, что все беглецы — враги государства, которые отлично знают, на что идут.

Даже легальный выезд из ГДР был рискованным предприятием — в глазах режима, рассказывает историк Михаель Кубина, бежавший из Восточной Германии в 1984 году, одним своим прошением восточные немцы признаются во враждебном отношении к родине. А значит, наверняка занимаются конспиративной работой, сотрудничают со шпионами и диверсантами в подполье.

Предотвращение побегов становится еще более важной задачей после возведения Берлинской стены и, как пишет британский историк Фредерик Тейлор, становится причиной усиления репрессий и слежки за гражданами. В итоге около 80% потенциальных беглецов задерживают вдали от границы.

«Недоверие в значительной степени определяет отношение ГДР к своим гражданам, что со временем постепенно начинает подтачивать лояльность тех групп населения, которые в свое время под давлением согласились с программой социалистического порядка», — отмечает Тейлор.

По разным оценкам, за 40 лет существования ГДР ее покинули от 3,8 до 5 млн человек, бóльшая часть из них уехала до постройки Стены в 1961 году, но и после этого восточные немцы не прекратили бежать на Запад.

235 тысяч из числа бежавших составляют невозвращенцы, получившие временное разрешение на выезд из страны, но оставшиеся на Западе. Примерно 40 тысяч человек смогли перебраться через границу самостоятельно, еще около 7 000 бежали через другие восточноевропейские

страны, прежде всего Чехословакию, Болгарию или Венгрию. Небольшая доля пенсионеров покидает ГДР легальным путем по программе воссоединения семьей. Около 30 000 политических заключенных выкупает ФРГ.

Начиная с 1962 года ФРГ регулярно выкупает у ГДР политических заключенных. В обмен на валютные транши или доставку ценных и дефицитных товаров Восточная Германия отпускает политзеков на Запад; подобные выкупы продолжаются до падения Берлинской стены. Правозащитники нередко критиковали эту практику как «торговлю людьми», поскольку ФРГ была в первую очередь заинтересована в выкупе известных ученых и публичных интеллектуалов. Активисты правозащитного движения в Восточной Германии, в свою очередь, считали, что подобная практика укрепляет режим — валютные транши и доставки не обязывали ГДР соблюдать права человека.

Власти Восточной Германии зафиксировали около 75 тысяч неудавшихся попыток побега — треть из них приходится на людей, которые неудачно пытались выбраться на Запад через третьи страны. Кроме того, согласно архивам спецслужб, Штази раскрыла еще 60 тысяч не дошедших до реализации планов побега — неудивительно, что среди политических заключенных доля неудавшихся беглецов достигает 80%. Как считает историк спецслужб Клаус-Дитмар Хенке, между в 1965 и 1988 году в тюрьмах ГДР

побывали до 57 000 человек, задержанных при попытке бежать на Запад.

Такая статистика указывает на готовность населения Восточной Германии бежать на Запад, несмотря на большой, подчас смертельный, риск, отмечает Хенке, а не прекращающаяся до 1989 года волна побегов и рост популярности движения за переселение свидетельствует о том, что ГДР находится в состоянии постоянного политического кризиса.

Западная Германия, в свою очередь, гарантирует прием всем беженцам из ГДР: статья 11 Конституции позволяет им сразу же получить гражданство, независимо от того, каким путем они попали в ФРГ.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

«Мы были буквально засыпаны актами»

После падения стены и объединения Германии прокуроры быстро дошли до предела своих возможностей: как рассказывал один из участников расследования Инго Хаберкорн, никто из них и представить не мог, с каким массивом данных придется работать. Архив пограничной службы ГДР сохранился практически в полном объеме — и несколько лет следователи изучают его буквально постранично.

Им удалось собрать доказательства более чем 65 000 преступлений режима против собственных граждан (в действительности, по оценке Клауса-Дитмара Хенке, специализирующегося на истории спецслужб и вопросах денацификации, таких случаев было как минимум в полтора раза больше). Почти половина из них была связана с вынесением заведомо неправосудных решений. Значительная часть расследований касалась и деятельности сотрудников Штази[6], подозревавшихся в слежке, похищениях,

пытках, убийствах, политически мотивированных преследованиях, манипуляциях результатами выборов и экономических преступлениях.

С тем или иным насилием на границе ГДР были связаны около 3 тысяч расследований. В интервью разных лет Инго Хаберкорн рассказывал, что прокуроры, которые были откомандированы из западных федеральных земель, смогли бы найти гораздо больше доказательств и вскрыть еще больше репрессий, если бы государство выделило «больше человеческих и материальных ресурсов». По его словам, служащие «были буквально засыпаны актами и действовали поначалу буквально вслепую». Над расследованием беззакония за сорок лет существования ГДР трудилось всего 60 человек, и мало кто из них задерживался больше чем на 2-3 года — ведь остаться работать на Востоке значило тогда попрощаться со своей карьерой на Западе страны.

Узаконенное бесправие

Первый процесс по делу стрелков начался в сентябре 1991 года в криминальном суде берлинского

района Моабит. На скамье подсудимых — четверо пограничников, участвовавших в «предотвращении диверсии», окончившейся гибелью Криса Геффроя.

Процесс привлек внимание немецкой прессы и разделил сторонников объединения Германии на два лагеря. Первые опасались, что возможность объединения легко упустить, и оно должно пройти как можно скорее и безопаснее для всех сторон. В частности, издатель и основатель журнала *Spiegel* Рудольф Аугштайн выступает в поддержку обвиняемых. По его словам, пограничники только исполняли приказы высших по званию, а у ГДР как у независимого государства было право защищать собственные границы. И если новая Германия хочет показательного процесса, ей следует посмертно осудить инициатора строительства стены — первого генсека ЦК СЕПГ[7] Вальтера Ульбрихта.

Мнение другого лагеря выражает в редакционной колонке газета *Zeit*: социалистическая элита ГДР, безусловно, несет ответственность за преступления режима, однако у исполнителей всегда есть свобода воли. И делегируя всю ответственность наверх, пограничники пытаются снять с себя вину за гибель сотен людей.

С третьей стороны, многие левые и сторонники социалистического режима, как и президент СССР Михаил Горбачев, называют процессы над стрелками Берлинской стены «охотой на ведьм» и продолжением Холодной войны.

Председатель судейской коллегии Теодор Зайдель оказался под огромным давлением: вся страна ждет от

него во многом прецедентного решения о том, можно ли привлекать к уголовной ответственности рядовых исполнителей приказа стрелять на поражение по беглецам из ГДР — и противоречили ли их действия законам Восточной Германии.

Готовясь к суду, Зайдель обнаружил забытое решение Федерального конституционного суда Германии 1953 года. Вынося приговор функционерам национал-социалистического режима, судьи ссылаются на идеи юриста и философа Густава Радбруха и рассуждают о так называемом «узаконенном бесправии»: действия, которые не противоречат существующим законам, могут и должны преследоваться, если отдельные положения этих законов противоречат представлениям о справедливости, заложенным в европейских правовых системах.

Судьи подчеркивали, что закон, очевидно противоречащий основам правового государства, не может признаваться легитимным только оттого, что он применяется государственными органами. Юридическую силу любого нормативного акта можно поставить под сомнение, если его основа вступает в открытый конфликт с базовыми принципами справедливости — настолько, что применяющие этот закон суды должны понимать, что вместо правосудия они осуществляют бесправие.

Процесс по делу о гибели Криса Геффроя занял 28 заседаний: в первую очередь его затянули адвокаты[8], пытавшиеся вызвать свидетелями Вилли Брандта, Михаила Горбачева или Папу Римского. Позиция защиты однозначна: ФРГ грубым образом

нарушает международное право, ставя под сомнения законы суверенного государства и трактуя действия законопослушных граждан как криминальные. Мать убитого Карин Геффрой настаивает на одном — она хочет не возмездия, а справедливости.

Выступая в суде, Инго Хайнрих — офицер, чей выстрел стал смертельным для Криса Геффроя — сетует, что вне службы он стеснялся носить знаки отличия за свои успехи на стрельбищах, поскольку большая часть жителей Восточного Берлина с презрением относилась к стрелкам, называя их убийцами. Электромонтер по образованию, Хайнрих утверждает, что всегда считал убийства беглецов преступлением, но никогда бы не отступил от приказа — а тот предписывал незамедлительно применять оружие.

Другой обвиняемый офицер Андреас Кюнпаст — он ранил Кристиана Гаудиана — говорит, что сначала отказывался исполнять приказ стрелять на поражение, но командир подразделения отправил его работать на кухню, поощряя травлю «кухонного таракана» со стороны сослуживцев. Под угрозой увольнения и дисциплинарного наказания он подписал обязательство о том, что при случае расстреляет любого, кто попытается нелегально пересечь границу.

О чем умалчивают обвиняемые — что за каждое «предотвращение диверсии» пограничники получали от государства денежные премии, путевки в санатории и похвальные листы.

Суд вынес решение в январе 1992 года и приговорил Инго Хайнриха к 3,5 годам заключения, а Андреаса Кюнпаста — к двум годам условно. Остальные подсудимые признаны невиновными. В приговоре суд отметил, что система образования, пропаганда и политическое образование в ГДР способствовали деформации правового сознания офицеров, но тем не менее они должны были осознавать, что расстрел безоружных людей противоправен в любой правовой системе.

После серии апелляций Верховный суд Германии в том же 1992 году неожиданно меняет приговор Инго Хайнриху на условный. Обосновывая такое решение, суд отмечает, что падение режима и снос Берлинской стены делают вопрос о персональной ответственности за репрессии не таким острым, а потому, учитывая процесс объединения Германии и примирения нации, условные сроки более чем достаточны.

Своим решением Верховный суд на следующие тринадцать лет задает координаты для процессов над пограничниками. К 2004 году прокуратура передала в суды материалы 270 дел об убийствах на всей границе между ФРГ и ГДР: 237 человек были расстреляны при попытке бежать из республики, 33 подорвались на противопехотных минах. Эти дела были рассмотрены на 112 судебных процессах между 1991 и 2004 годом. Большинство из них оканчивается условными сроками, только семеро обвиняемых оказываются в заключении.

«Мы не смогли помочь добиться справедливости для той части населения ГДР, которая пострадала

от репрессивного режима, — констатирует прокурор Кристоф Шэфген, руководивший расследованием убийств на Берлинской стене. — Жертвы были уверены, что в демократическом правовом государстве справедливость будет восстановлена и преступники получат по заслугам. Но ошибка судов заключалась в том, что они отвели жертвам лишь опосредованную роль свидетелей или, точнее выражаясь, объектов несправедливости, сконцентрировавшись на преступниках и во многом проигнорировав сотни разрушенных жизней и судеб».

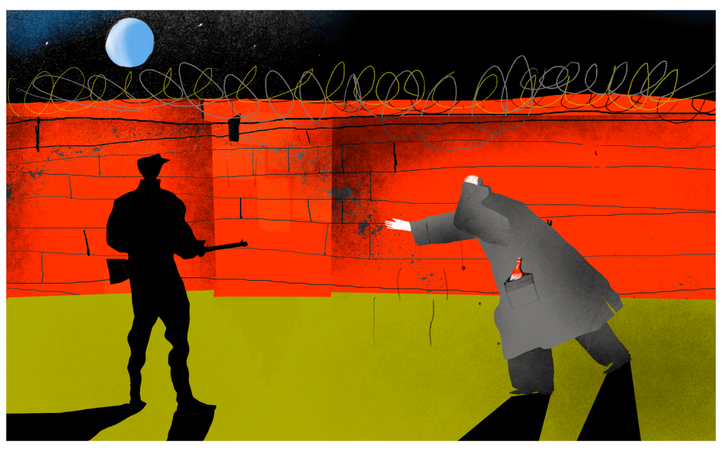

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Заложники послевоенной истории

12 ноября 1992 года у Катрин Геффрой начался новый суд. Среди шестидесяти других потерпевших она впервые в жизни видит на расстоянии вытянутой руки главных людей в ГДР — в Берлинском окружном суде идет процесс над членами Национального совета обороны ГДР[9]. Среди обвиняемых бывший глава страны Эрнст Хонеккер и другие высшие руководители[10].

В их деле — 68 случаев убийств на границе, среди них и смерть Криса Геффроя.

Уголовное дело против Хонеккера прокуратура возбудила еще в последние недели существования ГДР: под угрозой ареста он в марте 1991 года сбежал в Москву, но через год уже бывшего генсека выслали из России в Германию.

Процесс то и дело прерывается из-за преклонного возраста обвиняемых и их болезней — уже на второй день Хонеккеру, страдавшему от рака печени в последней стадии, становится плохо из-за повышенного давления.

Лишь на пятый день суда прокурор смог зачитать обвинение. Среди прочих доказательств он процитировал протокол, обнаруженный в архивах министерства обороны ГДР. Из него следует, что на одном из заседаний Национального совета обороны в семидесятых все подсудимые единогласно согласились с позицией Хонеккера: «Строительство стены должно продолжаться в прежних масштабах — и поэтому при любых попытках нелегального пересечения границы необходимо, безотносительно обстоятельств, открывать огонь на поражение. Товарищи, которые успешно смогут пресечь побег из республики, должны быть вознаграждены и отмечены наградами за службу Родине. Касательно этой позиции в будущем ничего не должно измениться».

Сам Хонеккер в суде эмоционально уверяет, что убийства на границе не только вредили репутации республики за рубежом, но и «чисто по-человечески» трогали партийную элиту ГДР. Он соглашается, что с мая 1971 года лично несет ответственность за пограничный режим в Восточной Германии,

включая расстрелы. Но необходимость строительства Берлинской стены, по его словам, объясняется реалиями Холодной войны — и именно поэтому, считает Хонеккер, на нем нет ни политической, ни юридической, ни моральной вины за эти убийства.

Назвав суд сведением счетов с политическими противниками, Хонеккер отказался в дальнейшем давать какие-либо показания и отвечать на вопросы. Вслед за генсеком свою вину отрицают и другие подсудимые, объясняя пограничный режим необходимостью, продиктованной политическим напряжением между странами Варшавского договора и НАТО. В частности, глава пограничной службы Карл Леонхардт обосновывает постройку Стены тем, что у всякого государства есть право защищать свое имущество и ресурсы — в том числе, собственное население.

Важным источником для суда стали показания свидетелей: так, например, бывший посол СССР в ГДР Валентин Фалин рассказал, что и Брежнев, и Горбачев неоднократно пытались переубедить Хонеккера в необходимости расстрелов, однако тот настаивал: хоть ему и жаль погибших, их смерти неизбежны и необходимы ради безопасности государства.

Довольно быстро Конституционный суд Германии приостановил разбирательство в отношении Хонеккера, посчитав, что его продолжение нарушит право на справедливый суд, поскольку тяжело больной экс-генсек может попросту не дожить до приговора. Конституционный суд в целом скептически относился к процессам над стрелками

Берлинской стены, воспринимая их как препятствие для национального примирения, отмечает годами следивший за судами над пограничниками журналист Роман Графе.

После этого Хонеккеру позволили выехать из ФРГ в Чили к своей жене, где он и скончался в мае 1994 года. Остальных членов Совета продолжили судить, и 16 сентября 1993 года суд признал их виновными[11] к в подстрекательстве к убийству (в том числе — Криса Геффроя).

Достаточно небольшие сроки заключения судьи объяснили особой политической ситуацией и тем, что подсудимые — «такие же заложники послевоенной истории Германии, как и все немцы».

Справедливость по-немецки

Вальтер Шульце, командир полка пограничников, ответственных за расстрелы на Берлинской стене, должен был в октябре 1998 года предстать перед судом по делу об убийстве четырех беглецов (один из них — Крис Геффрой). Накануне суда он сбежал в Испанию, только через три года его задержали на Канарских островах.

Шульце и его предшественник Гюнтер Лео — единственные полковые командиры, привлеченные к ответственности за расстрелы на границе. Поэтому несмотря на приговоры, которые суды регулярно выносят до 2004 года, о справедливости для потерпевших речи не идет, считает активистка движения за гражданские права в ГДР Бэрбел Болей.

Журналист Роман Графе — автор единственной монографии, посвященной процессами над пограничниками, «Справедливость по-немецки»[12].

Он провел десятки интервью со всеми сторонами процессов и предполагает, что важную роль в делах о Берлинской стене сыграли внутренние установки западногерманских судей. Графе замечает, что беженцы из ГДР отрицали республику и государство как таковое — и потом задается вопросом о том, не могли ли судьи из ФРГ солидаризироваться скорее с сотрудниками государственного аппарата, чем с его жертвами?

Эту мысль дополняет судебный корреспондент журнала *Spiegel* Рольф Лампрехт[13]. В дискуссии о сходстве между социалистической и демократической системами он предлагает обратить внимание на определенное сходство социализации судей в ФРГ и функционеров в ГДР: четкие иерархии, внутригрупповое давление, привязка экономических выгод к определенным моделям поведения.

Из трех тысяч начатых полицией и прокуратурой расследований о насилии на границе около 90%, отмечает Графе, были закрыты за недостатком улик или отсутствием состава преступления.

По подсчетам прокуратуры, только на границе между Восточным и Западным Берлином расстреляли около 128 человек, около 33 подорвались на минах и около сотни были тяжело ранены. По оценкам Рабочей группы 13 августа[14], при попытке преодолеть границу погибли около 500 человек, в это число входят и утонувшие в Балтийском море. В 2017 году группа объявила, что обнаружила еще как минимум 58 ранее неизвестных жертв — при этом статистика не учитывает погибших в первое десятилетие после войны.

В итоге всех судебных процессов только семеро пограничников получили реальные тюремные сроки. К самому большому сроку — 7 годам заключения — суд приговорил офицера Эрвина Гаволя, расстрелявшего на погранпункте в Бад Харцбурге 40-летнего Вальтера Отте. Любивший крепко выпить мужчина регулярно приближался к границе и кричал западным немцам, умоляя забрать его из ГДР. Среди служащих на границе у Отте была репутация городского сумасшедшего — уже семь раз они находили его в алкогольной горячке. В восьмой раз его повстречал офицер Гаволь: пьяный Отте, приняв офицера за пограничника ФРГ, обратился к нему: «Приветствую тебя, мой западно-немецкий друг, умоляю, вытащи меня отсюда». «Все твои друзья в Восточной Германии», — парировал Гаволь и расстрелял его в упор.

«Неутешительные итоги этих судебных процессов значительно преуменьшают серьезность преступлений, совершенных пограничниками, — рассуждает журналист Графе. — Согласно немецким законам, наказание за убийство, в зависимости от

степени тяжести, несет за собой наказание от 5 до 15 лет лишения свободы. Если мы будем сравнивать приговоры членам Национального совета обороны ГДР — их наказание ниже сроков, которые в те годы получают магазинные воры. Грабитель банка, который бы сам сдался полиции, был бы готов на сотрудничество и не имел в момент ограбления заряженного оружия, получит в объединенной Германии больший срок, чем любой из стрелков Берлинской стены».

В любой политической системе конформизм — это доминирующая и единственная признаваемая установка бюрократов, уверена Мария Нооке, уполномоченная земли Бранденбург по проработке последствий коммунистической диктатуры; именно поэтому необходимо продолжать дискуссию о персональной ответственности за преступления режима.

«Справедливость для жертв социалистического режима в объединенной Германии осталась где-то на полпути, — констатировала Карин Геффрой в одном из интервью. — Я не считаю ни один из приговоров в делах [стрелков Берлинской стены] справедливым и должна еще научиться жить с тем, что суд над преступниками не всегда означает правосудие для погибших».

Источники

Grafe, Roman. Deutsche Gerechtigkeit: Prozesse Gegen DDR-Grenzschützen Und Ihre Befehlsgeber.

Flemming, Thomas, Hagen Koch, and Be.bra Verlag-. Die Berliner Mauer: Geschichte Eines Politischen Bauwerks.

Hertle, Hans-Hermann, Nooke, Maria. Die Todesopfer an der Berliner Mauer 1961-1989. Ein biographisches Handbuch.

Hansgeorg Bräutigam. Die Toten an der Berliner Mauer und an der innerdeutschen Grenze und die bundesdeutsche Justiz. Versuch einer Bilanz.

Sauer, Hans, Plumeyer, Hans-Otto. Der Salzgitter-Report. Die Zentrale Erfassungsstelle berichtet über Verbrechen im SED-Staat.

Maurer, Jochen. Dienst an Der Mauer : Der Alltag Der Grenztruppen Rund Um Berlin.

Schweizer, Katja. Täter Und Opfer in Der DDR : Vergangenheitsbewältigung Nach Der Zweiten Deutschen Diktatur.

Effner, Bettina, Heidemeyer, Helge, Stöver, Bernd. Flucht Im Geteilten Deutschland, Erinnerungsstätte Notaufnahmelager Marienfelde.

Schroeder, Klaus, Staadt, Jochen. Die Grenze Des Sozialismus in Deutschland: Alltag Im Niemandsland.

Lang, Peter. Handbuch über Die Todesopfer Des DDR-Grenzregimes 1949-1989. Studien Des Forschungsverbundes SED-Staat an Der Freien Universität Berlin Band 25.

Schultke, Dietmar. Keiner kommt durch... Die Geschichte der innerdeutschen Grenze 1945-1990.

Tantzscher, Monika. Die verlängerte Mauer: Die Zusammenarbeit der Sicherheitsdienste der Warschauer-Pakt-Staaten bei der Verhinderung von «Republikflucht».

Wendt, Hartmut. Die deutschen Wanderungen — Bilanz einer 40jährigen Geschichte von Flucht und

Ausreise, in: Deutschland Archiv 4, April 1991, Heft 24, S. 386-395.

Henke, Klaus-Dietmar, Suckut, Siegfried, Vollnhals, Clemens, Süß, Walter, Engelmann, Roger (Hrsg.). Anatomie der Staatssicherheit-Geschichte, Struktur und Methoden, MfS-Handbuch, Berlin 1996,

Der Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik.

Редактор: Егор Сковорода

External embed

https://rss.dw.com/syndication/feeds/VGUS_Galerien_Mediazona_dwcom.31599-r

1. Здесь и дальше по тексту оценки даются по Wendt, Hartmut. Die deutschen Wanderungen — Bilanz einer 40jährigen Geschichte von Flucht und Ausreise, in: Deutschland Archiv 4, April 1991, Heft 24, S. 386-395.

2. Zentrale Erfassungsstelle der Landesjustizverwaltungen.

3. Мауэр — научный сотрудник центра военной истории и социальных наук Бундесвера.

4. Статья 213 Уголовного кодекса ГДР (Ungesetzlicher Grenzübertritt — незаконное пересечение границы), до 8 лет заключения.

5. Мария Нооке — историк и уполномоченная федеральной земли Бранденбург по проработке последствий коммунистической диктатуры.

6. Штази (Stasi) — неофициальное сокращения названия Министерства государственной безопасности ГДР (Ministerium für Staatssicherheit).

7. Центрального комитета Социалистической единой партии Германии — правящей партии в ГДР с 1949 по 1990 год.

8. Один из адвокатов, Хеннинг Шпангенберг, известен своими симпатиями к левым радикалам и социалистическим идеям, в свое время

она защищал в суде боевиков-коммунистов из «Движение второго июля» и «Фракции красной армии».

9. Nationaler Verteidigungsrat der DDR.

10. Министр государственной безопасности Эрик Миелке, председатель совета министров Вилли Штоф, министр обороны Ханс Кесслер, региональный шеф СЕПГ в городе Зюль Ханс Альбрехт, ответственный за политическое образование в офицерской школе для офицеров погранслужбы, а также секретарь Национального совета обороны Фриц Штрелец.

11. Ханс Кесслер получил 7,5 лет заключения, Фритц Штрелец — 5,5 лет, Ханс Альбрехт — 4,5 года. Процесс над Эриком Миелке и Вилли Штофом еще раньше приостановили из-за его тяжелой болезни, приговора они не дождались.

12. Deutsche Gerechtigkeit.

13. В свое время он написал диссертацию о социализации судей и ее воздействии на правовую культуру в Германии.

14. Это одно из подразделений музея Стены в Берлине — Arbeitsgemeinschaft 13. August.